

М. Д. ЗВЕРЕВ

**ПОГОДА
и ЖИВОТНЫЕ**

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

М. Д. ЗВЕРЕВ

ПОГОДА и ЖИВОТНЫЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Москва 1965

ОТ АВТОРА

Животные не способны мыслить, но органы чувств — обоняние, слух и другие — у многих из них развиты сильнее, чем у человека. Эти органы информируют животное о происходящем во внешней среде. Например, во время весеннего перелета помогают скворцам вернуться с мест зимовок, лежащих за тысячи километров, к своим скворечникам; или кошке, пронесенной в плотном мешке через весь город, прибежать домой.

Не менее интересна способность многих животных резко изменять свое поведение перед переменной погоды. Такие «прогнозы» могут быть подсказаны человеку животными задолго до наступления засухи, морозов, дождя или бури и иметь большое практическое значение.

В книжке собраны наиболее интересные наблюдения автора за поведением животных перед переменной погоды. Но совсем не для того, чтобы руководствоваться ими, а только с целью обратить внимание на эти «предсказания» и возбудить у читателей желание самим проверить эти факты, поискать в природе новые и отбросить неизбежные случайные совпадения. Некоторые наблюдения после тщательной проверки могут оказаться настолько постоянными и хорошо заметными, что ими можно будет пользоваться на практике.

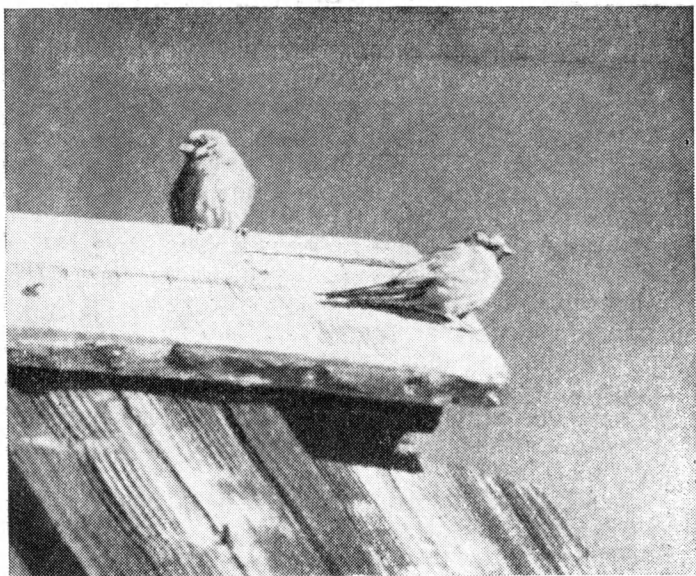
Фотографии к тексту книги выполнены А. Г. Лухтановым.

Рецензенты: доктор биологических наук А. В. МИХЕЕВ
доктор биологических наук А. Г. БАННИКОВ

ВОРОБЬИНОЕ „БЮРО ПОГОДЫ“

Зима в этом году была очень теплая. Земля только слегка промерзла. Наконец выпал снег, но больших морозов не было. Полевые воробьи уже давно перекочевали к жилым постройкам и смешались в общие стайки с домовыми воробьями.

Однажды утром зоолог Аксу-Джабаглинского заповедника увидел в окно лаборатории, как воробей летел под крышу с пером в клюве. В этот день он видел еще

Воробьи.

нескольких воробьев с пухом или перьями в клювах. На следующий день уже много воробьев таскали пух и перья под крыши, собирая их около курятника.

Старик сторож, поглядывая на воробьев, сгребал снег со всего двора и укладывал его на крышу ямы-подвала, где хранился картофель.

— Смотри, дед, кажется, воробьи начинают гнездить. Зимы, видно, не будет! — сказал с усмешкой зоолог сторожу.

— Мороз ударит большой, они стараются ночлеги свои под крышами утеплить! — ответил старик молодому ученому.

На следующий день было по-прежнему тепло, но вечером по радио зоолог услышал экстренное сообщение о наступающем сильном похолодании. Утром солнце поднялось в морозной дымке, и начались сильные морозы.

За трое суток до этого воробьиное «Бюро погоды» забило тревогу!

СКВОРЦЫ ПЕРЕД СНЕГОПАДОМ

Мартовское вечернее солнце низко повисло над крышами. Журчанье снеговой воды стихло. Капать с крыш перестало, и с них спустились длинные ледяные сосульки. Стало подмораживать.

На высоком тополе собралось с десятков скворцов. Освещенные снизу последними лучами солнца, они весело распевали, подражая голосам иволги, перепела, чибиса, пеночки и более чем десятку других птиц, которые прилетят к нам еще через два месяца. Слыша четкий крик перепела с вершины тополя, так и представляешь себе поля с колосющейся пшеницей, летний вечер и стадо коров, неторопливо шагающее по пыльной дороге.

Прошло несколько дней. И вот сегодня на тополе почему-то нет ни одного скворца. Куда они девались? Вечер такой же ясный, если не считать, что солнце на западе опустилось в тучи.

— Скворушек сел послушать? — раздался у меня за спиной голос.

Я обернулся. Жилец из соседней квартиры стоял у крыльца, опираясь на деревянную лопату для сгребания снега.

Скворец.

— Почему-то сегодня нет ни одного скворца, — ответил я здороваясь.

— Мороз почуяли, оттого их и нет. Скворцы — первая примета у меня. Сколько годов примечаю. Без единого обмана сбывается. Я и лопату из сарая принес, чтобы за ней утром не брести по снегу.

Утро началось с холодного дождя. Вскоре он перешел в снег. К ночи его навалило так много, что кое-где поло-

мались ветви на деревьях и порвались провода. Два дня тянулось злобное похолодание. Но весна свое взяла. Снова засверкало солнце. Скворцы запели около скворечен.

На следующий год я наблюдал опять такую же картину: в марте скворцы вдруг снова исчезли из города, а за ночь похолодало и выпал снег. В тот же день утром я выехал в район. Середина асфальта на дороге была без снега. Жаворонки, распушившись пуховыми шариками, бегали здесь и долбили зернышки ячменя, кое-где просыпанные на дороге еще осенью во время хлебоперевозок. Птички так увлеклись, что едва успевали отлетать в стороны перед самой машиной.

Когда первая сотня километров была позади, снега и по сторонам дороги почти не стало. На голых буграх кормилась большая стая скворцов. Такая же стая виднелась и дальше. Вот они где! Опять собрались в стаи и не улетели обратно к югу, а пережидают похолодание на свободных от снега местах!

ЛЯГУШКА НА ВЕРЕВОЧКЕ

Погода в начале лета отличалась удивительным коварством. Ясное, солнечное утро, голубое небо, птичий говор в кустах на берегу озера и теплый ветерок с юга — ну как не угнать телят подальше от базы на нетронутую свежую траву? Но к полудню ветер стихал, начинало тянуть холодом с севера, откуда-то набегали низкие тучи. Телята не успевали пройти обратно и половину пути, как холодный дождь с резким ветром промачивал их, как говорит, «до костей».

И так за неделю раза два, а то и три!

Только один старик-чабан удивлял всех своим умением предугадывать погоду. Пасмурное холодное утро с ветром говорило, что вот-вот начнется дождь. Все чабаны боялись удалиться дальше километра от базы, а старик спокойно гнал своих маленьких телят далеко в степь.

— Куда ты с малышами-то, аксакал?! — кричали ему чабаны.

— Дождя сегодня не будет! — несло в ответ.

И старик угонял телят на далекие хорошие пастбища. С полудня сквозь тучи начинало проглядывать солн-

це, и ко второй половине дня устанавливалась чудесная солнечная погода.

Вечером старик пригонял сытых телят, а те чабаны, которые пасли около базы, возвращались с полуголодным стадом.

Своего секрета старик не открывал. Что поделаешь? Многие старые люди цепко держатся за свои маленькие тайны и часто уносят их в могилу.

Так думали и про старика. Впрочем, молодые чабаны быстро приспособились. Они с утра смотрели, куда старик погонит телят, и держались около него.

Наконец тайна чабана была раскрыта.

В то солнечное утро старик пас телят около самой базы. Остальные тоже не рискнули удаляться далеко. И не напрасно. С полудня погода начала быстро портиться. В это время директор совхоза выехал на мотоцикле на дальнюю базу. Не отъехал он и километра, как на берегу озера норка суслика попала под мотоцикл, и его сильно подбросило. Фуражка с головы кубарем полетела назад. Директор остановил машину и пошел за фуражкой. Она лежала около самой воды. Рядом с ней валялась трубка с медными украшениями и с длинным мундштуком — такая была только у старика-чабана. Директор поднял трубку и сунул в карман. «Не отдам ему, пока не скажет секрет», — подумал он, улыбнувшись.

И только теперь он заметил, что у самого берега вбит колышек и от него в воду тянется веревочка. Она слегка вздрагивала. Несомненно, что-то живое было привязано и находилось под водой. Директор дернул за веревочку и почувствовал слабое сопротивление. Он потянул веревочку сильнее и вытащил на берег... живую лягушку, привязанную поперек туловища!

— Кто же это забавляется? — пробормотал директор.

Он заметил недалеко еще колышек на берегу и, подойдя к нему, согнал привязанную лягушку. Она шлепнулась в воду, нырнула, подергалась на веревочке и затихла на дне.

Ничего не понимая, директор пошел к мотоциклу.

Начал накрапывать дождь. Все чабаны были на базе. Они сидели под навесом и курили.

— Кто из вас выдумал привязывать лягушек на озере? — спросил директор, возвратившись с базы.

Лягушка на веревочке.

В ответ раздался смех.

— Это твоя трубка?

— Моя, моя! — обрадовался старик, — я ее утром где-то потерял!

— И лягушки твои?

Старик спокойно ответил:

— Я их привязал!

Наступила тишина.

— Зачем?

— Если они на берегу сидят, значит, будет дождь и телят нельзя далеко от базы отгонять. А если в воде сидят, хоть тучи на небе, а дождя не будет. Утром рано всегда хожу на озеро смотреть на лягушек.

— Что же ты не говорил никому? — возмутился директор. — Вон сколько телят нынче простудили ребята!

Молодые чабаны зашумели:

— На первое место в соревновании метил!

Старик обиженно молчал. Когда чабаны утихли, он сказал:

— Видите, какая у меня борода?

— Сивая!

— Как снег!

— Вот то-то и есть, что борода у меня седая — я старый человек. Сказать мне было недолго. Но зачем я буду обманывать?

— Почему же обманывать?

— Лягушки меня раз крепко обманули: сидели в воде к хорошей погоде, а пошел дождь. Я с тех пор все их проверяю, каждый день. А то расскажешь вам, а потом над стариком смеяться будете.

— Вот чудак дед! Сообща-то скорее бы выяснили.

— А может быть, тот раз кто-нибудь перед тобой по берегу проехал — твои лягушки и нырнули!

— И то правда. Могло и так быть! — согласился старик.

На следующее утро чуть свет чабаны босиком бегали по берегу озера и ловили лягушек. Каждый привязал по несколько штук для проверки. Но с этого дня наступила сильнейшая засуха. Озеро высохло.

На следующий год в этом совхозе было решено самым тщательным образом проверить возможность предсказывать дождь, следя за поведением лягушек.

КОНЦЕРТ КУЗНЕЧИКОВ

Иван Иванович вернулся с рыбалки необычайно рано. Его короткий, отрывистый звонок в передней, а затем пасмурный вид говорили, что рыба не клевала и будильник в пять часов утра напрасно разбудил всю семью...

— Не пофартило... — угрюмо бросил Иван Иванович, проходя мимо нас в кухню.

Мы постарались скрыть иронические улыбки, занимаясь каждый своим делом.

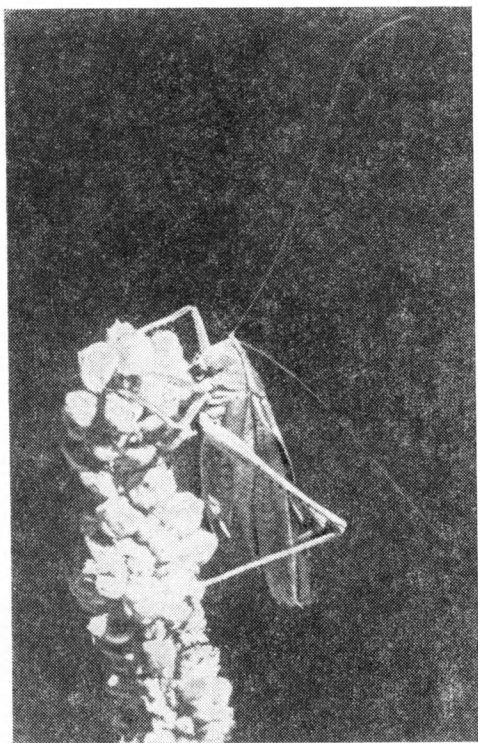
Иван Иванович вышел в сад с коробкой из-под печенья, в крышке которой были проделаны отверстия.

Вечером в саду застрекотали большие зеленые кузнечики. Раньше их не было ни у нас, ни вообще в городе.

— С какой же целью дед принес кузнечиков с рыбалки? — старалась догадаться бабушка.

Два вечера подряд кузнечики надоедали громким стрекотанием, а на третий ни один не проронил ни звука.

— Ночью будет дождь! — объявил Иван Иванович за ужином.

Кузнечик.

— С чего ты это взял? — удивилась бабушка. — Вторую неделю жарит с утра до вечера.

— А слышишь, кузнечики-то не поют!

— Да твоих кузнечиков, наверно, воробьи склевали!

Когда Иван Иванович поднялся к себе в мезонин, я набрал номер телефона бюро погоды и поднес трубку к уху. «Казенный» голос пленки четко зазвучал в трубке: «Ночью температура воздуха плюс пятнадцать — восемнадцать градусов. Во второй половине ночи осадки». Я положил трубку и прислушался — кузнечики молчали!

Утром на тротуарах приходилось обходить лужи от ночного дождя. Впрочем, яркое летнее солнце быстро высушило землю. Когда я вернулся с работы, Ивана Ивановича дома еще не было.

— Ушел, непоседа, вчера на реку с ночевкой, — проворчала бабушка.

Вечер был теплый и тихий. Кузнечики громко стрекотали в саду.

Длинный, властный звонок Ивана Ивановича застал всю семью за ужином. Дед вошел с сияющей улыбкой и, проходя мимо, молча поднял тяжелую связку с рыбой.

ФАЗАНИЙ КРИК

В Карачингильском охотничьем хозяйстве вторую неделю стояла жаркая погода. Удушливый зной высушивал все живое и покрывал твердой коркой землю. Растения начинали вянуть. Семьи егеров выбивались из сил, каждый день поливая огороды.

Птичьи голоса были слышны только по утрам. Днем жаворонки сидели на земле с открытыми клювами в тени телеграфных столбов. Двигалась тень от столба и за ней передвигались разморенные жаром птички. Лазоревголубые сизоворонки неподвижно сидели на сухих сучках джиды с открытыми клювами. А одна даже разлеглась вдоль толстого сучка, свесив крылья по обе его

Фазан.

стороны. Только красавицы шурки реяли в воздухе, паря, как крошечные модели планеров. Но и у них на лету клювы были приоткрыты.

Зато насекомым чем жарче, тем, казалось, лучше: кузнечики и кобылки стрекотали на все лады. Звонкими пулями рассекали воздух шмели и крупные мухи. Хор насекомых заменил пение птиц.

Белые горы облаков не раз появлялись на синем небе. Но быстро таяли, а жара делалась еще злее, словно мстила людям за мысли о дожде.

Рано утром егерь Лукич вышел на крыльцо кордона и взглянул на далекие горы. На них клубились облака и сползали на дно ущелий. В тугаях цокали фазаны. Слышно было, как они с шумом взлетали на деревья и перекликались, как петухи в деревне. Даже фазанки, оставив внизу выводки, взлетали на деревья и тревожно цикали.

Лукич открыл дверь в комнату и крикнул домашним:

— Поливать огород сегодня не нужно — будет дождь!

Лукич прожил на этом кордоне четверть века, и сигнал фазанов о приближении дождя его ни разу не подвел. Так и на этот раз фазаны оказались правы: после полудня небо затянуло тучами, и полил мелкий «урожайный» дождь на целые сутки.

— Оказывается, крик фазана может иметь большое практическое значение! — сказал я, когда мы сели с Лукичем за стол ужинать.

— А как же? Только надо уметь понимать их язык. Они ведь то два раза подряд крикнут и замолчат, то застрочат на весь тугай или «тюкают», сидя на дереве, когда опасность увидят, — ответил Лукич, отхлебывая из блюдечка крепкий чай.

— Вот в Семиречьи у нас часто бывают землетрясения, — продолжал Лукич, — многие их не замечают, а фазаны обязательно закричат по всем тугаям. Я долго понять не мог, из-за чего это они крик поднимают? Но раз ночевал на покосе и спал на земле. Вижу во сне, что еду на телеге и меня трясет. Проснулся и понял, что это землетрясение. Слышу — фазаны орут кругом в тугаях, несмотря на то, что ночь. Меня тогда и осенило — знать, они лучше людей землетрясения чувствуют. Точно это проверить удалось. Раз фазаны закричали среди дня, а потом из города газету привезли и там читаю, что в этот день и час произошло небольшое землетрясение.

Лукич налил в блюдо еще чаю и продолжал:

— Вот одного не пойму до сих пор, как это фазаны раньше нас звук слышат?

— Звук все должны слышать одновременно, кто находится на одинаковом расстоянии от его источника,— возразил я.

— А вот выходит, что не так! В совхозе километров за пять от нас готовились сделать взрыв для котлована. Я знал, что должны взорвать ровно в двенадцать дня. Вышел на крыльцо и жду с часами в руках.

Вижу — облачко пыли взметнулось над совхозом, а звук еще не дошел. Вдруг как закричат фазаны в тугае — спереди, сзади, кругом,— и только после этого долетел звук от взрыва. Фазаны точно раньше меня услышали, пусть на несколько мгновений, но раньше: земля вздрогнула и по ней дрожь вперед долетела!

— Трудно по одному случаю сказать. Может быть простая случайность. Надо проверить,— ответил я.

Но годы идут, а проверить рассказ Лукича не удается.

САЙГАКИ ПЕРЕД БУРАНОМ

Огромное стадо сайгаков все утро паслось в небольшой долинке. Горбоносые морды животных были низко опущены. Пустынная полынка, чуть припорошенная снегом, служила им пищей и спасала от жажды. Низкое январское солнце бросало длинные тени от каждого сайгака. То и дело над стадом поднимались головы с настороженными ушами, осматривались и опять опускались. Никто не нарушал спокойствия стада в это утро.

Но вот одна из старых самок перестала пастись, постояла и пошла вперед, не опуская больше головы, хотя полынки было сколько угодно. Еще несколько самок перестали кормиться и пошли за первой. Вскоре все стадо оставило хорошие выпасы и быстрыми семенящими шагами направилось к югу.

Справа и слева на горизонте тоже показались стада сайгаков. Они быстро шли в одном направлении, не задерживаясь. После полудня некоторые табунки сайгаков уже не шли, а бежали.

Весь короткий зимний день прошел в торопливом передвижении сайгачьих стад к югу.

Самка сайгака.

Вечером на стане бригада охотников по истреблению волков была занята сменой сломанной рессоры у одной из машин. Ремонт закончили, когда солнце скрылось за горизонт. Охотники собрались у костра около большого казана с мясной похлебкой.

Самый младший член бригады волчатников спросил:

— Почему это сегодня сайгаки совсем мало паслись? Целый день их табуны шли в саксаульники.

— Да, да и мы тоже заметили! — подтвердили другие члены бригады.

— Значит, напрасно торопились с заменой рессоры. Можно было это сделать утром. На охоту завтра не поедем! — ответил бригадир.

— Почему?! — разочарованно спросило сразу несколько голосов.

— Если сайгаки пошли в саксаульники и к песчаным барханам, значит, буран будет. Это верная примета.

Впрочем, утро было ясное, как и все последние дни. Но с полудня небо быстро заволокло тучами. Солнце исчезло. Засвистел ветер с севера, и полетели сначала редкие снежинки, а вскоре свирепый буран на целые сутки скрыл пустыню в бешено ревущей карусели.

За сутки до начала бурана сайгаки двинулись в укрытия, каким-то образом предугадав изменение погоды.

ЧЕРНЫЕ ЖАВОРОНКИ

Мелкий снег едва припорошил степь. Всюду торчали сухие стебельки трав. Овцы разгребали снег и паслись на степной полынке. Она до весны не теряет своих питательных свойств. Отара медленно брела по степи.

Стайка черных жаворонков перепархивала у ног овец. Они находили какие-то семена там, где снег был сбит копытцами. Эти птички, собратья обыкновенных жаворонков, выводятся в Центральном Казахстане, а часть их осенью улетает на зиму далеко на север, навстречу перелетным птицам. Некоторые стайки их зимуют даже под Новосибирском. Черными точками они усеивают заросли степной полыни и кажется, что это сидит стайка скворцов.

Но сегодня с полудня черные жаворонки вдруг с беспокойным писком заматались над отарой. Они то садились, то взлетали — и все поведение этих птичек говорило о сильнейшем волнении.

— Гони овец ночевать в кошару! — крикнул старик-чабан помощникам.

— Почему, Ата? Еще до вечера далеко! — удивился один из молодых чабанов.

— Буран идет: видишь кара-тургай бояться! — ответил старик. — Айда, заворачивай овец!

Овец погнали. А небо стало быстро заволакиваться тучами. Они все ниже спускались над степью. Начался ветер. Едва овцы вошли в ворота кошары, как повалил снег и начался сильнейший буран. Задержись овцы в степи — и не миновать бы большой беде. Черные жаворонки вовремя предупредили о буране. А сами зарылись в снег и будут ждать, когда кончится ненастье.

ГИДРОПРОГНОЗ

Мы поднимались на лодке вверх по стремительной таежной реке к отдаленному лагерю геологов. Два гребца стояли на корме и на носу. Шестами вместо весел они толкали вперед лодку, упираясь в дно. Это были сибиряки-охотники с ножами у поясов в деревянных ножнах с медными украшениями, в мягких самодельных сапогах —

«чирках», стянутых ремешками под коленями. Широкоплечие, чернобородые, в картузах старинного покроя, как два брата похожие друг на друга, — это были настоящие дети тайги. Они здесь родились, выросли и, вероятно, проживут всю жизнь.

Зато я, словно незванный гость, сидел совершенно бесполезный на ящиках с инструментами, как дополнительный груз, страдая от комаров и мошек. Даже среди дня они были здесь бичом в тени могучих кедров. У моих спутников руки были заняты, они не могли отмахиваться от назойливых насекомых и только иногда сизым махорочным дымком отпугивали их. Однако комары и мошки словно «знали» своих и не досаждали им так, как мне.

«Сколько времени они могут так толкать лодку с утра до вечера — неделю, месяц, всю жизнь?» — думал я, глядя на них.

На третий день пути широкий перекат преградил путь лодке. Нечего было и думать с тяжелым грузом протолкаться через него против стремительного течения. Пришлось разгрузить лодку и на себе перстаскивать по берегу ящики вдоль всего переката. Многие десятилетия здесь приставали таежные охотники, пробираясь в верховья, и на себе перетаскивали груз. Они проложили торную тропу по берегу до начала переката.

Пройти километр по городскому тротуару, поглядывая на витрины магазинов, ничего не стоит. Но когда идешь по тайге с ящиком в двадцать килограммов на спине, то и дело перешагивая через толстые стволы, сваленные бурей поперек тропы, километр кажется бесконечным. А этот путь пришлось проделать несколько раз!

Когда мы погрузились наконец в лодку, я уселся на ящики в таком же состоянии, как побитый боксер после нокаута.

На другой день впереди опять зашумел перекат. Мы пристали к берегу.

— Далеко придется таскать ящики? — спросил я, стараясь казаться безразличным к предстоящей роли вьючного животного.

— Далеконько, километра три, однако, а то и больше, — последовал ошарашивающий ответ. — Мы ящики свалим здесь. До стана теперь недалеко, километров десять. Поедем порожняком. Все равно дальше перекат на

перекате, с грузом не пробраться. На стане рабочих много, сами перетаскают.

Я с готовностью подавал ящики из лодки и с удивлением смотрел, как их укладывают недалеко от воды, хотя она и прибывала в реке с каждым днем. Ведь ящики может затопить? Значительно выше их был хорошо заметен нанос сора и веток, там, куда вода поднималась весной. Летний подъем воды может быть не меньшим. В чем же дело? Почему они складывают ящики ниже наноса? Неужели не видят?

Я столько раз попадал впросак, задавая наивные вопросы этим таежным следопытам, что на этот раз решил непременно сам сообразить, в чем дело. Но это оказалось мне не под силу. И я сказал полувопросом, как бы мимоходом:

— А вода-то весной вон докуда поднималась.

— Ну и что? — спросил один из бородачей.

Они сидели на ящиках и курили.

— Как что? Вода-то прибывает и может затопить ящики!

Мои спутники переглянулись, снисходительно улыбаясь.

— Ты что, слепой что ли? Вон кротовина-то где, на целую сажень ближе к реке от ящиков!

— Ну и что же? — все-таки и теперь не понял я.

— Крот всегда знает, докуда вода поднимается. Ныне гляди, где нарыл кучь-то. Стало быть, дальше вода не пойдет! Ну, пошли! — закончил нравоучение бородач с ноткой сожаления в голосе.

«До чего же беспомощны в тайге эти горожане!» — вероятно, подумал он по моему адресу.

ОТМЕНЕННАЯ ПРОГУЛКА БАРСУКА

Мой спутник — убежденный фотоохотник. Он никогда не держал в руках ружья, но так азартен, что едва сдерживает дрожь, когда подползает на фотовыстрел к редкому зверю или птице. Я тоже заразился его энтузиазмом, и с каждой экскурсией чувствую, что мое ружье отодвигается на задний план и покрывается пылью.

Мы шагаем к далекому лесному оврагу. На его крутом склоне в прошлый выходной день мы нашли нору

барсука и сегодня рассчитываем сфотографировать его самого и барсучат. Тогда же метрах в ста от норы мы устроили шалаш.

За неделю барсучиха должна привыкнуть к шалашу и перестать обращать на него внимание. На солнцезакате она вылезет из норы со всем семейством, и с последними лучами солнца есть надежда запечатлеть ее на пленку высокой чувствительности.

За час до заката солнца мы подкрались к нашему шалашу и вползли в него. Через отверстие сбоку норы виднелась, освещенная низкими лучами солнца. Нацелив аппарат на нору, мы затаились.

Вечерний летний бор наполнен не только чудесным сосновым запахом, но и всевозможными звуками. Где-то недалеко крикнул дятел. Запищал в ветвях ранний выводок синиц. Гоняясь за родителями, короткохвостые синичата постепенно стихли вдали. Майские жуки басовито гудели в березняке на той стороне оврага.

Шорох чьих-то легких прыжков заставил нас посмотреть вправо. Крупный заяц-беляк не дождался сумерек и вскочил с лежки. Ему не давали покоя клещи. Он уселся недалеко от норы и яростно зачесал задней лапой шею. Потом встряхнулся и проделал тоже самое с другой стороны.

Конечно, товарищ не прозевал и успел истратить половину пленки, пока заяц скрылся за бугром.

Снова мы замерли, не спуская глаз с норы барсука. Но, после удачи с зайцем, нам не повезло. Весь день был ясный, безоблачный; но вот на западе показались облака, и солнце скрылось в них. В лесу сразу потемнело. Вся надежда теперь была только на высокую чувствительность пленки.

Время быстро стало приближаться к сумеркам, а барсучиха не выходила. Неужели она бросила нору и перетасила барсучат?

Прошло еще полчаса. Начало темнеть. Снимать было уже нельзя, но мы все еще лежали в шалаше.

Вдруг барсучиха выглянула из норы. Не могла она сделать это на полчаса раньше! Мы разочарованно посмотрели друг на друга.

Барсучиха вылезла, подняла нос вверх, понюхала, а затем решительно повернулась и неторопливо исчезла в норе. До полной темноты она больше не появилась.

Шагая домой и натываясь в темноте лицом на ветки, мы терялись в догадках:

— Неужели барсучиха заметила нас?

— Но она ни разу не взглянула в сторону шалаша! — возразил я товарищу.

Только под утро пришла разгадка. Я спал в гамаке под цветущей черемухой в глубине сада. Внезапно подкравшийся ливень хлынул сразу, как из ведра, разбудил меня и заставил мчаться в дом.

«Так вот почему барсучиха не вывела из норы барсучат, — подумал я, — она задолго предчувствовала приближение дождя!»

НЕОБЫЧНЫЙ АППЕТИТ

— Мартын Павлович! Что это вы так погоняете коня? Мой не успевает за вами, — окликнул я егеря, который ехал по тропе впереди меня в горах Алма-Атинского заповедника.

Он обернулся в седле:

— К вечеру надо успеть домой, на кордон!

Кеклики.

— Зачем? Ведь мы же хотели ночевать в ельниках и посмотреть на заре маралов на кормежке!

— Ночью погода испортится и надолго — не отставайте!

Я долго осматривался по сторонам, но никаких признаков изменения погоды не замечал. День был жаркий. Небо безоблачно. Ветра не было. Правда, было душно, и от камней, нагретых солнцем, несло жаром. В горах всё притихло. Не слышно было голосов птиц. Но в полдень они всегда молчат, и молчание их ничего не предвещало.

«Почему же он считает, что погода должна испортиться?» — недоумевал я. Наконец не выдержал и спросил своего спутника:

— Откуда вы знаете, что погода испортится?

— А видели кеклики кормятся в самый жар? Уж несколько табунов испугнули.

— Ну, видел!

— Кеклики кормятся утром и вечером, а если и среди дня, значит, перед ненастьем торопятся побольше съесть. Эта примета верная. Фазаны тоже так. Да и другие птицы.

Мы долго ехали молча, и я вспомнил, что читал, как знаменитый следопыт Дальнего Востока Дерсу-Узала сказал однажды Арсеньеву:

— Посмотри, капитан, как птицы торопятся кушать. Его хорошо понимай — будет худо. Птица понимай сейчас, моя понимай после!

Если два следопыта говорят одно и то же, значит, так оно и будет! — решил я и стал погонять коня.

Прошло два часа. Тропа круто поднялась на перевал. Впереди открылся крутой северный склон ущелья с извилистой ниточкой речки далеко на дне. Егерь остановил коня. После тяжелого подъема лошадям нужно было передохнуть.

Высокие тяньшанские ели умудрялись расти здесь на голых скалах. Они лепились вверху поодиночке или небольшими группами, чем ниже, тем гуще, и сплошным дремучим ельником росли у самой речки внизу. По всему склону виднелись сурочьи норы и ближайшие к нам зверьки вставляли на задние лапки и громко кричали, взмахивая хвостиками.

Мы сели на камни, держа лошадей в поводу. Они опу-

стили головы к земле и тяжело дышали, колебля траву у передних ног.

Егерь достал из сумки лепешки и жареное мясо.

— Подкрепимся малость, а то теперь до самого дома останавливаться не будем.

— Вы все же думаете, что погода испортится? — спросил я, взглянув на безоблачное небо.

— Непременно!

Я пожал плечами и промолчал.

Мы дали лошадям отдохнуть полчаса и встали.

— Вот и еще одно доказательство! — воскликнул егерь. — Смотрите, сейчас два часа дня, а сурки кормятся в неположенное им время. Тоже торопятся побольше съесть, как и кеклики, перед ненастьем.

И в самом деле, сурки давно успокоились, не видя нас, и паслись по всему склону.

Часа через полтора на вершинах гор показались облака. Егерь увидел их и пустил коня рысью.

Еще через час низкие облака с поразительной быстротой затянули все небо.

Первые капли дождя упали на последнем повороте ущелья к кордону. Мы едва успели расседлать лошадей, как железная крыша кордона заговорила дробным перестуком крупного ливня. Дождь шел всю ночь и на другой день начинался и переставал много раз.

ДЖЕЙРАНЫ НА ЛЬДУ

Встречать пробуждение весны я приехал к знакомому бакенщику на берег реки Или. Это было в начале марта, когда с прилетом жаворонков и первыми подснежниками начинается утро нового года в природе.

Лед на реке посинел и вздулся. Но от берегов его еще не оторвало. Со дня на день можно было ожидать ледохода.

В домике бакенщика раздавались громкие голоса. Там шел какой-то крупный разговор, и никто не слышал, как я подъехал.

Скрипнула дверь, и я неожиданно появился на пороге. Супруги смолкли и оба, красные и возбужденные, обрадованно двинулись ко мне навстречу. Видимо, каждый из них надеялся на мою поддержку в споре.

— Посмотрите на него! — затараторила хозяйка, здороваясь со мной. — Хоть вы бы его образумили! Собрался за реку: папирос, видите ли, у него мало! А лед-то вон какой — сегодня наверняка Или тронется. Но он и слушать меня не хочет: успею, говорит, сходить!

— Джейраны с той стороны табунами идут на летние выпасы, значит, сегодня река не тронется и я сходить успею. Они за сутки или даже двое перед ледоходом реку переходят. Сколько лет замечаю, а она не верит! — сердито заговорил хозяин.

— Ну, я вас помирю: случайно привез папирос как раз на двоих — купил для себя и для товарища, а он не поехал со мной! — улыбнулся я, здороваясь.

— Вот хорошо-то, как, ровно, знали! — обрадовалась хозяйка. — А то ведь я его хорошо знаю — из упрямства бы пошел!

После чая с биноклем в руках я пошел по берегу. Мне хотелось посмотреть, как джейраны переходят через реку. Километра за два от домика бакенщика я уселся на высоком берегу в глубокую промоину и стал ждать.

Снег давно стоял. Вернее, его здесь всю зиму сдувало ветром, а солнечные лучи согнали остатки даже в ложбинках. Над головой звенели первые жаворонки, невидимые в синеве неба. В земляных норах проснулись муравьи и вяло бродили по поверхности. Красные клопики-солдатики встретились на бугорке и «поздоровались» друг с другом усиками. Приятный теплый ветерок освежал лицо и нес из пустыни запахи свежих трав.

Ждать пришлось долго.

Только во второй половине дня на том берегу показались наконец желтые точки. Несколько десятков джейранов подошли к берегу и долго стояли, смотря в мою сторону. Я был надежно спрятан в промоине, и джейраны меня не заметили.

В бинокль было хорошо видно, как старые самки спустились на лед и пошли, скользя копытцами. За ними двинулось все стадо.

Несколько раз джейраны останавливались, озирались и снова шли, торопливо переступая ногами. На фоне льда их было хорошо видно, изящных, тонконогих, с точечными головками. Лирообразные черные рожки самцов были особенно хорошо заметны.

У моего берега лед оторвало и тянулась длинная по-

лоска мутной воды, в несколько метров шириной. Как раз сюда подошли джейраны. Близкий берег и запах зелени манили к себе, и они побежали, подняв черные хвостики.

Жители пустыни не знали, что на свете есть не только мелкие лужи после дождя и снега. Поэтому без колебаний, прямо со льдины шагали в воду и в следующий миг пропадали под водой! Хорошо, что у берега было неглубоко. Джейраны испуганно выскакивали из воды, отряхивались и мотали головами. Так неумело джейраны всего стада перебирались на берег, мокрые и напуганные купаньем в воде впервые в жизни.

Я лежал в промоине и фотографировал.

До вечера еще два стада перешло на этот берег.

Я вернулся в домик бакенщика, когда над головой сверкало звездное небо.

На следующий день утром сколько я ни смотрел в бинокль, нигде джейранов не было видно. А к вечеру погода испортилась: подул ветер и набежали облака. Ночью с грохотом по реке пошла густая шуга.

Джейраны вовремя перешли через реку на летние пастбища. А бакенщик был прав: он вчера успел бы сходить за папиросами на тот берег и вернуться обратно!

УТИНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Чудесная золотая осень внезапно кончилась. Среди дня по палатке застучал дождь, и зашумел северный ветер такой силы, что, казалось, ложись на него и он удержит! Сразу похолодало. Из рта шел пар, как зимой. Негодяйка-осень явно вступила в свои права.

Мы лежали в спальных мешках и никому не хотелось вылезать на холод, чтобы согреть чаю. Свистящий ветер в веревках палатки создавал какое-то тревожное, гнетущее настроение.

— Еще несколько солнечных дней и мы бы закончили работу! — проворчал начальник нашей небольшой экспедиции.

— Двух-трех дней хватило бы, — уточнил я.

— До ноябрьских праздников остались считанные дни, как бы хорошо успеть вернуться в город, — со вздохом сказал самый юный из нас.

Мы надолго замолчали, прислушиваясь к дробным ударам дождевых капель по палатке. К нам дождь не мог достучаться: палатка была новая, из хорошего брезента. Говорить не хотелось. Погода всем испортила настроение.

В сумерках послышалось фыркание лошади и чавкающий по грязи топот. Около палатки кто-то остановился и грузно спрыгнул с седла.

Я вылутился из спального мешка наполовину и соединил проводок от электрической лампочки под потолком палатки с аккумулятором. При свете казалось, что в палатке стало теплее.

Пола от входа приоткрылась, и вошел знакомый егерь охотничьего хозяйства. Его непромокаемый плащ до пят с капюшоном позволял ему в любой дождь делать объезды и оставаться сухим. Он откинул капюшон, поздоровался и сел на складной стул у входа.

— Как работается? — спросил он, доставая из кожаной сумки письма и газеты для нашей экспедиции.

— Как видите, Карп Андреевич, весь день не вылезали из мешков.

— Неужели до ноябрьских праздников солнечных дней больше не будет? — не спросил, а простонал наш юноша.

— Теплая погода еще будет и долго, — спокойно ответил егерь уверенным тоном.

— Откуда вы это знаете? — оживился наш начальник экспедиции.

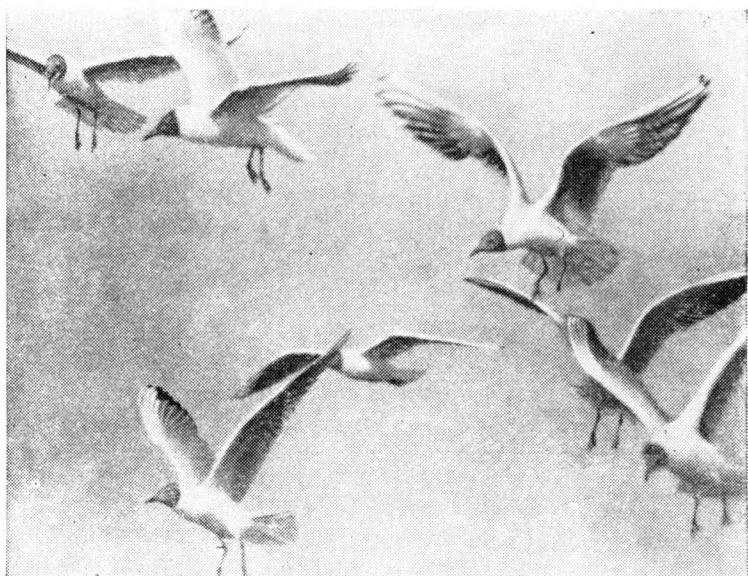
— Примета есть такая!

— Ну, приметам верить опасно!

— Верная примета есть! — убежденно заговорил егерь. — Сейчас по берегу ехал и видел: на озере плавают табунки уток-связей. Раз они не улетают, значит, еще долго хорошая погода будет. А это ненастье — так, первое предупреждение. Я и виноград еще не прикапывал. Вот когда с севера к нам на озеро лебеди прилетят, значит, все — тепла больше не будет!

Признаться, в этот холодный вечер никто из нас не поверил «птичьему» прогнозу уток-связей. Когда егерь уехал, мы долго острили по его адресу.

Однако на следующий день показалось солнце, подул теплый ветер с юга, и мы бросились кончать работу.

Чайки над островом

ЗАДОЛГО ДО ШТОРМА

Множество гнезд чаек-хохотуний находилось на небольшом песчаном острове огромного озера Тенгиз. Исторического хохота, шума и драк было достаточно с утра до вечера по любому поводу. Но были и мирные сцены. Вот из соседнего гнезда косолапо приплелся трехдневный пуховый птенец к солидной старой чайке. Она сидела в своем гнезде и грела яйца. С минуты на минуту из них могли вылупиться ее птенцы. Но пришелец бесцеремонно полез под чайку. Наседка приподнялась. Птенец влез в гнездо и улегся среди яиц. Он явно мешал чайке, и она долго усаживалась, меняя позы, пока не заняла нужного ей положения. Но чужого птенца не прогнала.

К гнезду прилетел самец. Чайка вскочила с яиц и подбежала к нему. С закрытым клювом она стала издавать приглушенное «кукование», все время кивая головой снизу вверх. Самец отвернулся. Но «мамаша» хло-

потливо забежала вперед и «заискивающе» закланялась. Так повторилось несколько раз. Наконец самец отпрыгнул целую кучу заглоченных им кобылок с таким видом, будто хотел сказать:

— На, только отвяжись!

Чайка съела подачку и улетела на озеро купаться. А папаша, не торопясь, уселся вместо нее на гнездо высиживать яйца и широко зевнул во весь клюв.

В этот вечер была безветренная ясная погода. На небе не было ни облачка. Вода на озере сверкала от низкого солнца, как огромное масляное пятно. Но барометрическое давление резко упало. Погода должна была измениться.

Вдруг весь чайчий остров пришел в движение. Чайки дико хохотали, взлетали в воздух, кричали, кружились, садились и взлетали вновь. Мы долго наблюдали за ними. Но никакой враг им не угрожал. Они беспокоились сами по себе, заражая друг друга какой-то таинственной тревогой. Только поздние сумерки уgomонили чаек. А ровно через десять часов с севера налетел шторм, нагнал воду и затопил много гнезд чаек. Их «краткосрочный прогноз» был совершенно точен!

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ПИСКУНЫ

Осень в Забайкалье в этом году была на редкость солнечная и сухая. За весь сентябрь и начало октября не выпало ни капли дождя. Ночные заморозки сменяли по утрам серебристые инеи, а днем становилось тепло, как летом.

Давно улетели перелетные птицы. Все больше появлялось в степи лапландских и снежных подорожников, полярных жаворонков, канюков и других северных птиц, прилетающих сюда зимовать.

Куцые рыжеватые зверьки — пищухи хлопотали всю осень на своем «сенокосе». Они «косили» траву и складывали ее перед входами в норки. Снизу трава чернела и портилась, а сверху сохла. Эти запасы сена пищух привлекали внимание скота. Коровы спокойно съедали сено, обрeкая на зимнюю голодовку маленьких сенокосцев.

Недалеко от того места, где я жил, находилось поселение крошечных полевок с дневным образом жизни.

Тонкие трели их писка каждое утро встречали меня, когда я проходил мимо на работу. При этом полевки садились на задние лапки и широко открывали рты.

На всю жизнь запомнилось мне утро шестнадцатого октября 1941 года. Началось оно так же, как и каждое утро этого последнего осеннего месяца. Солнце медленно поднялось над степью на безоблачном небе. Ветра не было.

Я медленно шел на работу, наслаждаясь тихим теплым утром. Поселение полевок встретило меня гробовым молчанием. Это было так необычно, что я остановился. Ни один зверек не торчал «колышком» и не пробегал от норки к норке, как обычно. Словно все они вымерли за одну ночь. Еще вчера полевки встречали и провожали меня веселыми трелями. Что могло случиться с ними за ночь?

Я долго стоял среди поселения полевок, рискуя опоздать на работу, но так и не увидел в это утро ни одного зверька.

После полудня начался сильный ветер. По небу поползли облака, похолодало, и под вечер вдруг начался снежный буран. К утру навалило так много снега, что остановились поезда.

Так вот в чем дело! Полевки с утра предчувствовали резкое изменение погоды.

СЕНОСТАВЦЫ

Летнее солнце жжет немилосердно. Кругом безбрежная серая пустыня, ровная, как море. Машина несется, оставляя позади один десяток километров за другим. Час за часом ползет время. А кругом одна и та же равнина, словно не едешь, а стоишь на месте: все та же сизая полынка на щебнистой почве, насколько видит глаз.

Впереди показалась яркая бирюзовая полоска. С каждым километром она все шире. И вот он, сказочный Балхаш — бирюзовое море среди щебнисто-песчаного моря пустыни! Синее небо и зеленовато-синяя вода сливаются на горизонте.

Там, где заливы глубоко врезались в плоские берега, зеленеют тростники. Вернее, это уже не заливы, а озера: песок и ветер давно превратили в дамбы узкие проливы

и отрезали заливы от Балхаша. Здесь, вдали от людей, каждый залив-озеро похож на большой пруд птицефермы. Только вместо белых уток на берегах, в воде и в зарослях тростников кишит множество куликов, цапель, диких уток чуть ли не всех видов, которые только водятся в нашей стране. Хохлатые большие и малые чомги, черные, как галки, лысухи и водяные курочки — все население этой дикой «птицефермы» шумит, а в воздухе, как метель, носятся чайки. Дикie гуси прекрывают все голоса басистым гоготом. Даже величавые лебеди белеют вдали.

Любителю природы трудно отойти от берега. Но внимание уже привлечено совсем невероятным. Большой лист крупного растения — ревеня — вдруг сам по себе быстро помчался от берега в пустыню! Солнце жжет, ни ветерка, а лист мчится, совсем как в старинной сказке.

Да что же это такое?!

В сильный бинокль хорошо видно, как загадочный лист остановился около норок пищух. Из-под него вынырнул куций зверек, похожий, как две капли воды, на морскую свинку из живого уголка. Это пищуха тащила на себе лист, накрывшись им, как зонтиком. Пятясь задом, зверек затаскивает лист на кучку сухой травы — запасы сена на зиму, старательно собранные и высушенные на солнце. Недаром пищух зовут сенооставцами.

Пищуха долго топчется на листе ревеня, стараясь придавить его как можно плотней к селу. А затем убегает за новым листом. Тем же делом заняты и другие пищухи. Они тоже таскают широкие листья ревеня и накрывают ими свои копешки с сеном около норок.

Под утро по палатке забарабанил дождь. Это большая редкость на северных берегах Балхаша. Пищухи за сутки до ненастья начали укрывать сено. И если ветер не сбросит листья ревеня с копешек, сено сохранится и зверькам не надо будет вторично заниматься «сенокосом».

ПЕРЕД БУРАНОМ

Серенький зимний рассвет застал нас среди березовых перелесков в Северном Казахстане. Недалеко чернела кромка соснового бора. Сытая лошадь легко везла

сани по неглубокому снегу. Он лишь слегка покрыл землю и всюду проглядывали сухие стебельки засохшей травы.

Сидеть в высоком плетеном коробе, установленном на саях, было не особенно удобно. Зато тетерева подпускали на выстрел, не замечая пригнувшихся людей.

Черные блестящие косачи и рябенькие тетерки вытягивали шейки, раскачиваясь на березах. Они не обращали внимания на лошадь, но саней побаивались и тревожно цокали.

Мы сидели согнувшись и правили вожжами, просунутыми через прутья короба. Еще немного — и можно стрелять. С замиранием сердца поднимаешь ружье. Только охотнику понятно волнение, которое охватывает в этот момент.

Серое небо все больше заволакивалось облаками. Сильно потеплело. Табунок тетеревов пролетел в сторону бора. Вскоре еще один табунок полетел туда же. А за ним еще...

— Давай домой повернем?! — обратился ко мне женщина.

— Зачем? — удивился я.

— А видишь, косач к бору потянул: буран будет! — и решительно повернул лошадь к дому.

Но серый денек продержался до вечера, а бурана не было.

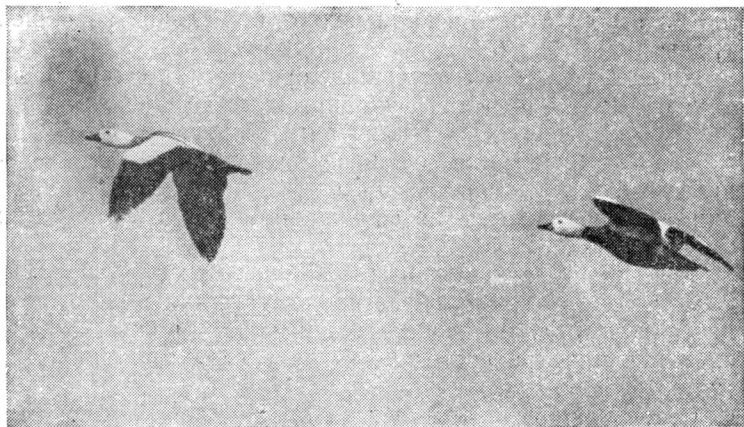
С чувством досады оттого, что рано прервали охоту, я ждал пригородного поезда в наступающих сумерках.

Первая снежинка растаяла у меня на щеке. Я оглянулся: белые снежинки около лампочек на фонарных столбах с каждой минутой сыпались все гуще. Начался ветер. А когда через час подошел поезд, буран свирепствовал уже вовсю.

«Вот когда началось!» — подумал я, забираясь в теплый вагон. И невольно удивился предчувствию тетеревов, так заблаговременно, в разгар кормежки, полетевших под защиту бора.

ВЕТЕР НАД ОЗЕРОМ

В августовский полдень над озером Кара-Куль было душно и жарко. Слабый ветерок почти не освежал, а, наоборот, обдавал зноем от раскаленного песка и щебня

Утки в полете

с берегов. Поплавки замерли без движения на всех трех удочках: рыба упорно не клевала.

Я взял бинокль, и залитые водой тростники сразу стали видны со всеми подробностями. Кое-где на тростниках сидели яркие шурки, широко открыв клювики, а желтые пятнышки на горлышках у них трепетали от частого дыхания. По обломкам старого плавучего камыша, прибитого к зарослям, перепархивала пара красивых усатых синиц — жительниц юга. Эти тростникового цвета птички ловят все лето только самых мелких мошек, комаров и мотыльков своими крошечными клювиками, но зимой питаются твердыми семенами тростника.

Я провел биноклем по озеру, осматривая его широкую гладь, чуть тронутую слабым ветерком. Кое-где на воде спали черные лысухи с белыми лбами, да большая чомга неумоимо ныряла на одном и том же месте.

Над головой у меня просвистели крылья: табунок уток пролетел над озером навстречу ветерку. И вдруг началось — стайка за стайкой утки то и дело пронеслись мимо, и все точно по одному направлению. Я сидел и поглядывал то на поплавки, то на уток, удивляясь, почему это среди дня начался такой перелет?

Ветерок вскоре прекратился. Поверхность Кара-Куля стала зеркальной. А утки все летели в ту же сторону!

Шорох тростников и рябь на воде возвестили, что начинается ветер с другой стороны. Он стал усиливаться с каждой минутой. Пока я торопливо сматывал удочки, ветер начал яростно пригибать тростники, а крутые волны с белыми гребешками побежали по всему огромному озеру.

Я начал грести к берегу против ветра, едва продвигаясь вперед. Пока я заносил весла, меня успевало отнестись. Приходилось работать веслами изо всех сил. А лодка все больше наполнялась водой, черпая бортами верхушки волн.

Совершенно измученный, я с огромным облегчением почувствовал, что лодка ткнулась, наконец, в прибрежный песок.

Егерь охотничьего хозяйства встретил меня. Он с тревогой следил в бинокль за моей борьбой с ветром.

— Вы что, неужели не заметили, как утки полетели? Сразу надо было к берегу ехать!

— При чем тут утки, Карп Андреевич? — спросил я, валясь на песок в полном изнеможении.

— Если ветер резко меняется среди дня, будет буря, и утки за час-два начинают лететь в ту сторону, куда подует ветер. Пролет тем дружнее, чем сильнее будет ветер. С открытых озер они летят на заросшие и укрываются там от ветра.

ИЗ ДНЕВНИКА ОХОТОВОЕДА

Третьи сутки охотовед шел на лыжах по Ачинской тайге. Легкая нарта с рюкзаком и спальным мешком скользила по его лыжне. Задолго до вечерних сумерек приходилось устраивать ночлег: рубить ветки пихтача на подстилку, заготавливать дрова на всю длинную ночь и делать сибирскую надыю из толстых сухих бревен, чтобы они горели до утра.

Темнота заставляла уже за похлебкой из рябчика. После ужина оставалось только юркнуть в меховой спальник мешок. Приятно смотреть в шелку из мешка на звездный мир над головой, слушать ровный шум леса и строить планы на завтрашний день.

Рано темнеет зимой на севере. Бесконечно тянется ночь. Давно уже не спится охотоведу. Задолго до рассве-

та он вскипятил крепкий чай, уложил свое имущество и маршрут на сегодня уже продумал со всеми подробностями.

С рассветом снова поскрипывают по тайге ремни от лыж, шуршит сзади нарта, и весь короткий зимний день до предела занят учетом белок и соболей, наблюдениями и чтением следов в снежной книге леса.

Снова день начал клониться к вечеру. Пора опять подумать о ночлеге. И вдруг за крутым поворотом таежной речушки, как сказочная избушка на курьих ножках, оказалась охотничья зимовка. У входа в избушку торчала из снега пара лыж. Из трубы поднимался дымок и стелился по низу между деревьями. Значит, хозяин дома.

Первое, что бросилось в глаза охотоведу в крохотной бревенчатой избушке, — это дорогой барометр на стене. Раздеваясь, охотовед спросил, указывая на барометр:

— Зачем он у вас?

— А как же? Без него в тайгу не хожу. По нему промышляю, — и хозяин постучал прокуренным желтым ногтем по стеклу барометра. Стрелка вздрогнула и заметно отклонилась.

— Ого, как падает! Ни одной белки сейчас не встретишь. Вот и сижу с утра дома.

— Действительно, меня сегодня удивило отсутствие белок. Еще с утра встречались, а после полудня как вымерли. И свежего соболиного следа уже сутки не встречал. Да и дым вниз стелился — к непогоде.

— Дым белкам не указ. А вот барометр никогда не подведет! Если при такой солнечной погоде, как сегодня, стрелка резко падает, — белка не ходит совсем. Если опускается медленно, ходит, но плохо. А как только стрелка начнет быстро подниматься, белка начинает ходить, даже если снег еще не перестал падать.

— Вот это здорово! — удивился охотовед, — стыдно признаться, а я ведь до этого не додумался! Обязательно заведу себе барометр и проверю.

Утром хозяин не пошел в тайгу. Он долго стучал гопором где-то около избушки. С шумом упала срубленная пихта, и снова застучал топор. Очевидно, обрубались сучья у поваленного дерева.

Охотовед сидел в избушке у крохотного оконца и все утро приводил в порядок свои записи. Он чувствовал себя неудобно, думая, что это из-за него охотник задержал-

ся и не пошел в тайгу. Он спрятал записную книжку, оделся и вышел из избушки. Солнце только что выглянуло из-за облаков. В их разрывах проглядывало синее зимнее небо. У речки тревожно кричала желна, и в морозном воздухе казалось, что она где-то совсем рядом. В гуще елей попискивали синицы и циркал поползень. Крикливые кедровки сегодня молча перепархивали с дерева на дерево.

— Это вы из-за меня остались дома? — спросил охотовед, подходя к хозяину избушки.

Он по колено в снегу, сбросив полушубок, торопливо сбросил сучья у поваленной пихты.

— Из-за вас, Борис Алексеевич! — улыбнулся охотник, — вы первый гость у меня за всю зиму и очень вовремя: хочу вас попросить помочь мне немного. Можно?

— Конечно!

— В ненастные дни я заготовил короткие бревна для склада. Помогите мне перетащить их к речке, пока буран не начался.

— Зачем?

— Я построю там склад и спрячу все крупные шкуры лосей, медведей и других. Белок и соболей сам увезу на нартах. Весной в половодье найму у бакенщика лодку с подвесным мотором и приеду за шкурами, пока вода в реке большая. Этот склад и на будущие годы мне пригодится.

Охотовед помог хозяину таскать волоком короткие бревна к реке. За обедом похлебка из рябчиков в жарко натопленной избушке показалась обоим необычайно вкусной.

— Почему вы хотите строить склад в таком неудобном месте на бугре? — спросил охотовед, обгладывая ножку рябчика.

— Вода в эту весну будет большая. Все низины затопит. Весна наступит ранняя, дружная.

— Вашему барометру, конечно, можно верить в его предсказаниях погоды. Но что за таинственный прибор у вас предсказывает дружную весну за несколько месяцев вперед? — удивился охотовед.

— Это не прибор, а зверь. Он чует с осени, какая будет весна на следующий год, — улыбнулся охотник.

— Какой зверь?

— Трех медведей я нынче убил за зиму. Все три бер-

Белка.

логи были на высоких местах устроены, значит, низины весной затопит большая снеговая вода. Зверь не ошибается!

— Вы, наверное, еще что-нибудь замечали в поведении животных перед изменением погоды? — спросил охотвед.

— Кое-что примечал еще. Вот туманы у нас в деревне бывают весной. Заволокёт — ничего не видать. Ток глухариный есть недалеко от нашей деревни. Пошел я туда с вечера. Сажу на солнцезакате, слушаю — много слетелось петухов. Ну, думаю, завтра дело будет! А на рассвете ни один не тюкнул. Сидят и молчат, как воды в рот набрали! А зорька ясная такая. В чем дело, понять не могу. Но через час, когда уже совсем рассвело, навалился густой туман. Все закрыл. Значит, чуяли его глухари, хотя и слетелись с вечера, готовились, значит!

— Или вот еще. Барометр у меня поднимается «на ясно», а будет мороз градусов на тридцать или нет? Если белки в гнезде сидят по несколько штук, значит, греть друг друга собираются к сильному морозу. Топлю с вечера избушку, как следует.

Многое примечать приходится, как без этого в тайге жить? Вы вот ученый человек, скажите, как это зверь и птица наперед может знать погоду?

— Удивительная способность животных предугадывать погоду давно интересует ученых. Но пока эта загадка не разгадана!

Охотовед замолчал с чувством учителя, который не мог ответить в классе на вопрос, заданный ему учеником.

ЛЕСНАЯ ПРИМЕТА

Наша небольшая зоологическая экспедиция уже третий день пробиралась едва заметными тропами по глухим безлюдным горам Алтая. Тропа шла по густому чистому кедрачу. Солнечный свет не проникал сквозь хвою. Вместо травы по земле стелились мягкие подушки мхов. Наконец среди стволов показались просветы, и мы выехали на залитую солнцем опушку: немного впереди простиралась старая гарь. Когда-то здесь бушевал огонь, пожирая кедровый лес, и отдельные сухие стволы все еще стояли среди бурелома и хаоса упавших друг на друга сухих деревьев. Буйные травы, цветы и молодые кудрявые березки придавали свежесть и молодость этому кладбищу деревьев.

По другую сторону гари тропа, как в узкий коридор, нырнула под своды сплошной стены кедрача. Снова по-

лумрак, сырость и тишина. Почва здесь никогда не просыхает. Многие километры кони бредут по воде и грязи. Свернуть с тропы в сторону невозможно: всюду стена непроходимого частокола деревьев, заросли кустарников и завалы бурелома.

Где-то недалеко закричал бурундук. Вдали откликнулось еще несколько бурундуков.

— Плохо дело! — проворчал проводник, погоняя коня и таща за повод ленивую выючную лошадь. — Скоро дождь будет. Слышите, бурундуки закричали?

В этот вечер мы рано расположились на ночлег. Бурундуки не обманули. Едва успели натянуть палатку и вскипятить чай, как начал накрапывать дождь. Мы укрылись в палатке и ужинали под дробный стук капель.

Впоследствии мне удалось проверить в Новосибирском зоопарке эту способность бурундуков предчувствовать перемену погоды. Оказалось, они поднимали крик в большой вольере примерно за девять часов до начала дождя после длительной хорошей погоды. При переменной погоде, когда солнечная погода то и дело сменялась дождем, бурундуки молчали.

Бурундук.

В АШХАБАДЕ

Была глубокая ночь над далеким южным городом. Около складов и закрытых дверей магазинов дремали сторожа. Заря еще не начиналась. Фонари вырывали светлые освещенные пятна у ночной темноты. На окраинах почему-то необычайно громко лаяли и выли собаки.

В одной из квартир города вся семья была разбужена неистовым лаем пинчера. Он с визгом и рычанием стаскивал одеяло с сынишки хозяина дома. Мальчик проснулся и со смехом отнимал одеяло у своего любимца.

— Пошел на место! — раздраженно крикнул отец, проснувшийся в соседней комнате.

Но собака бросилась к двери и со всех сил обеими лапами заскреблась в нее, жалобно визжа и злобно хватая зубами порог. Вдруг она отвратительно завывала на весь дом, присев на задние лапы и подняв морду к потолку.

— Выпусти ее на улицу! — крикнул отец.

Мальчик вскочил с постели и отворил дверь. Собака бросилась в темноту ночи.

Но едва ребенок улегся в постель, как пинчер заскребся и залаял. Он с меньшей энергией теперь просился обратно. Спать было невозможно!

— Да что он, с ума сошел что ли? — сердито проворчал отец, появляясь в дверях соседней комнаты. Он зажег свет и отворил дверь.

Пинчер со всех ног, скользя когтями по полу, бросился прямо на постель к мальчику, схватил его за край рубашки и потянул с кровати.

Ударом ноги отец отбросил собаку в угол комнаты. Она шлепнулась на пол прямо на спину, но даже не взвизгнула. Блестнув оскалом зубов, она вцепилась в ногу хозяина. Он вскрикнул от боли и отшатнулся. Одним прыжком через всю комнату собака перенеслась на кровать. Мальчик вскочил и прижался к стене: поведение собаки испугало его, и он заплакал. Пинчер вцепился зубами в рубашку и, пятясь задом, рывками потащил мальчика по кровати в сторону дверей, визжа, взлаивая и трясаясь всем телом.

В дверях показалась мать. Она испуганными глазами смотрела на всю эту сцену. Вдруг, поняв, в чем дело, она отчаянно закричала:

— Собака сбесилась! Спасай сына!

Заряженное ружье висело на стене. Отец мальчика, хромая на одну ногу, бросился к ружью и сорвал его с гвоздя.

А в это время пинчер, рыча и скалясь, подтащил мальчика к открытой двери на улицу.

— Стреляй, отец, что ты стоишь? Она укусит ребенка! — неистово кричала мать.

— Не дам убивать, не дам! — зарыдал мальчик и обхватил руками шею своего любимца.

Напрягая все силы, собака выволокла мальчика за порог. Отец бросился было вперед, но в этот момент погас свет. Пол заходил ходуном взад и вперед под ногами. Потолок с грохотом рухнул на головы людей. Началось сильнейшее землетрясение...

Утром спасательный отряд заметил мальчика. Он плакал перед развалинами старенького домика. Около него сидел пинчер. Собака сердито заворчала на чужих людей.

— Там папа... и мама! — сквозь слезы кричал ребенок.

Родителей мальчика извлекли из-под развалин. Оба были живы, но без сознания. В больнице им пришлось пролежать более месяца.

Сейчас семья живет в новом благоустроенном доме, а пинчер — на самом почетном месте в комнате мальчика.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ ЗАСУХИ

Мы едем степью, ровной, как море. Во все стороны до самого горизонта редкая трава чередуется с небольшими участками голой почвы на солонцах. Нигде ни цветка, ни пятнышка яркой зелени. Словно осень, а ведь только что кончился май.

Далеко впереди блеснула вода. Это озеро Тенгиз. Машина сворачивает прямо к нему без дороги и идет с той же скоростью: настолько здесь ровная степь.

До озера еще далеко, а проводник уже кричит:

— Стой!

И в самом деле дальше ехать нельзя. Колеса начинают оставлять глубокие колеи: почва вместо твердокаменной становится все более мягкой. Оставив машину, идем дальше пешком. Но вскоре с трудом начинаем вытаски-

вать ноги из тестообразной почвы. Еще немного, и проводник опять кричит:

— Стой!

— А где же берег?

— Берега совсем нет!

Чем ближе к воде, тем жиже «кисельные» берега. Они совершенно незаметно переходят в воду. В этом месте зачерпнуть воды из озера невозможно.

Все же мы нашли возможность спустить в воду резиновую лодку и выехать на широкую гладь озера. Тысячи чаек, уток и куликов поднялись в воздух.

А вот и цель нашего приезда сюда — на плоском острове множество конусообразных кучек из грязи. Это гнезда фламинго. Носатые птицы сидят на них и насиживают яйца. Некоторые бродят около гнезд и роются тяжелыми клювами в грязи, заталкивая голову между ног иногда так далеко, что для равновесия вытягивают назад одну ногу, подобно тому, как мы поднимаем в сторону руку, когда несем ведро с водой.

Журчит киноаппарат, щелкает затвор «Зоркого» с приставленным телеобъективом, а проводник нетерпеливо говорит:

— Айда ближе, пожалуйста!

— Зачем же ближе? Мы вспугнем их!

— Шайтан с ними — их юрты смотреть надо!

И только тут выясняется, что чабан взялся проводить нас потому, что ему нужно обязательно посмотреть на гнезда фламинго.

По словам казаха, если фламинго с весны наращивают свои гнезда свежей грязью, делают их выше и только тогда несутся, то лето будет дождливое, а воды в озере будет много. Если же с весны они несутся прямо на прошлогодние кучки, летом будет засуха.

Это было настолько интересно, что мы вспугнули крайних птиц. Над отмелью вдруг вспыхнуло пламя: открылись красные перья у взлетевшей стаи белых птиц. Их конусообразные кучки-гнезда не имели никаких признаков увеличения в этом году.

— Ой-бой, шибко плохо... — ворчал всю обратную дорогу проводник. — Кочевать скорей надо с отарой. А я все время небо смотрел, думал туча придет...

Летом сильнейшая засуха, действительно, охватила эти места.

БОЛЬШОЙ РАЗЛИВ

Высокий и крутой левый берег Оби около Барнаула так не похож на плоское правобережье, где на много километров раскинулись заливные луга с черемуховыми и тальниковыми зарослями. Над пышными травами лугов поднимаются желтые лилии на сочных твердых ножках. Яркие цветки огоньков словно и в самом деле горят на сырых полянах, а скопления незабудок издали похожи на озерки голубой воды.

Кукование, пение дубровников, крики коростелей и множества других птиц несутся над лугами в начале лета по утренним и вечерним зорям.

Так ежегодно. Но во всяком деле бывают исключения. Есть исключения и в жизни заливных лугов реки Оби около Барнаула.

Много лет тому назад ярким солнечным утром я шел высоким обрывистым берегом Оби в районе городских дач. Это было в конце апреля. Снег уже давно сошел. Пахло сырой землей и свежей травкой по солнцепекам. Небольшое озерко снеговой воды желтело, как в оправе, от цветов калужницы по берегам. Вдруг из-под самых моих ног с шумом вылетела дикая утка кряква. На огороженной меже было ее гнездо и пять яиц. Гнездо дикой утки на крутом населенном левобережье мне встретилось впервые, хотя с детских лет я жил здесь и каждую весну лазил по этим самым обрывам за первыми весенними цветами, бабочками и всем, что интересовало юного натуралиста, рыбака, а потом охотника.

Но это гнездо здесь могло быть случайно: мало ли что взбредет в голову дикой утке!

Однако в садах и огородах левобережья в это утро я нашел еще два гнезда диких уток. Это заинтересовало моего отца. На другой день с сеттером на сворке мы нашли здесь пять новых гнезд.

Долго в тот вечер сидели в саду за кипящим самоваром соседи-охотники. Никто не мог припомнить ни одного случая, чтобы дикие утки гнездились не в лугах, а по крутому левобережью на окраине большого города. Спорили долго, каких только предположений не высказывали, и только Николай Иванович молчал. Когда споры стихли, он сказал:

— Обь разольется и затопит гнезда на лугах, вот утки знают об этом и гнездятся нынче на высоком левом берегу.

— Ну, знаешь, что, Николай, отставь это сверхъестественное объяснение при себе; утка не дух святой, и видеть вперед ей богом не положено, — обрезал его один из соседей.

И в самом деле, как могут дикие утки предвидеть, какой будет разлив?

Дней через десять пошла коренная вода — так называют в Барнауле разлив Оби в начале лета от таяния снега в горах Алтая. С каждым днем вода быстро прибывала и топила низменный правый берег. И вот наконец до самого села Бобровки, за двадцать километров от города, по всем лугам виднелись только вершинки затопленных кустов.

Небывало сильный разлив этого года скрыл все островки и погубил гнезда птиц на земле, кроме утиных на высоком левом берегу.

Казалось, и в самом деле утки «знали», где нужно устраивать гнезда в эту необычную весну!

Прошел не один десяток лет. Умерли старички-охотники. Барнаул неузнаваемо вырос. И вот мне снова недавно привелось побывать в саду у Николая Ивановича. Он пережил всех своих сверстников, но был бодр и с утра до вечера работал в своем саду.

Мы сидели за самоваром в том же саду, но сильно разросшемся. Вспоминали богатейшие охоты и рыбалки около города.

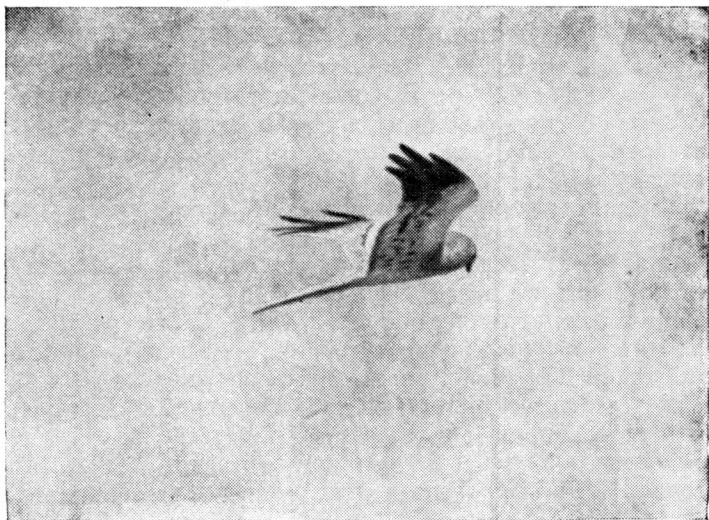
— А помнишь, как дикие утки один год гнездились на левом берегу, еще считали тогда это чем-то сверхъестественным? — спросил Николай Иванович.

— Как же, как же! Я этот случай на всю жизнь запомнил.

— Ну так вот, в прошлом году то же самое было весной, и опять потом разлив километров на двадцать был без единого островка. Помнишь, как на меня тогда ополчились? А ведь я был прав!

— Но как же утки могут предвидеть за полмесяца вперед, какой будет разлив на Оби? Все-таки это больше похоже на случайность, — возразил я.

— Ну что же, случайность так случайность, подожди еще четверть века, а мне уж не дожидаться, да я и так

Лунь в полете.

убежден, что это не случайность, — сухо ответил Николай Иванович.

И я жду, терпеливо жду еще одного необычно большого разлива на Оби.

СТЕПНЫЕ ЛУНИ В БОЛОТЕ

Было начало июня. Юные натуралисты Новосибирского зоосада уже две недели разыскивали гнезда степных луней. Светлые самцы и темные самки этих хищников всюду летали над полями. Значит, их гнезда были где-то тут, рядом. И все-таки поиски шли впустую.

Мы обшарили все межи, все целинные участки около посевов, опушки колков. Словом, обошли все места, где должны были гнездиться степные луни, но напрасно.

Однажды, когда мы возвращались после безрезультатных поисков, заметили в стороне луня с добычей в лапах. Стали следить за ним. Смотрели до тех пор, пока он не исчез за березовым колком.

Через пять минут, едва переводя дыхание от быстрого бега, мы оказались тоже за колком. К нашему удивле-

нию, здесь было только болото. Не в болоте же будет гнездиться степной лунь? О таких случаях не говорит ни одна книга, посвященная хищным птицам.

Однако мы ясно видели, что лунь нес пищу именно сюда. Значит, загадочное гнездо все-таки здесь. Надо ждать.

И мы ждали час, другой, третий. Время было не совсем подходящее для наблюдений: в полуденные часы хищные птицы редко приносят корм в свои гнезда.

От нечего делать занялись наблюдениями за другими птицами. Как раз перед нами в густой траве оказалось гнездо овсянки.

Сама птичка куда-то улетела, и ее слабые пуховые птенцы тихо лежали, плотно прижавшись друг к другу. С первого взгляда они казались одним пушистым комком.

В густой траве и в кустах стоял сплошной комариный гул. Но ни один комар не укусил птенцов. И это было их спасением. Ведь комариный укус для крошечного птенца очень опасен (примерно так же, как нам опасен был бы укус комара размером с ворону). Несколько укусов — и птенчик едва ли дождался бы прилета матери.

Но дело в том, что пух на голове и спине птенцов очень длинен. Хоботки комаров не достают через него до тела. Вот почему птенцы и лежали, сбившись в тесную кучу. Они подставляли насекомым только головы и спины, пряча голый живот.

Однако пора заняться и лунями. Кстати, над озером замелькала наконец знакомая светлая птица. Сомнений нет. Даже без бинокля видно, что степной лунь тащит в лапах добычу прямо на нас. Мы распластались в траве и не сводили с птицы глаз.

Нашему изумлению не было границ, когда навстречу самцу поднялась самка шагах в пятидесяти от нас, прямо из кочек на болоте. Лунь бросил из когтей мышь. Самка ловко схватила ее на лету и уселась в траве, чтобы позавтракать.

Наконец-то мы были у гнезда! И действительно, оно лежало перед нами под небольшим кустиком среди кочек в густой осоке. Пять белых яиц говорили, что кладка уже закончилась и скоро надо ждать птенцов.

Мы стояли над гнездом и терялись в догадках. Гнездо степного луня — в болоте?

Но чудес в природе не бывает. Очевидно, какая-то серьезная причина заставила луней свить свое гнездо именно здесь.

Нужно было разгадать эту тайну во что бы то ни стало.

В тот же вечер мы нашли еще два гнезда. И тоже в кочках по краям болота. В следующие дни в таких же местах нашли с десяток гнезд. Вполне достаточно для наблюдений.

Разгадка не заставила себя долго ждать. Палящие лучи солнца в это лето с утра до вечера жгли землю. С самой весны не было ни одного дождя. Все в степи выгорело, и трава посохла. Только в сырых местах, у болот, на кочках зеленела пышная осока. Если бы птицы свили свои гнезда в обычных местах, в открытой степи, то их было бы видно сейчас издали. Совсем не то в густой болотной осоке.

Следующее лето в Сибири было, наоборот, дождливым. И все гнезда луней оказались в открытой степи, прямо на межах и на целине. Сочная степная растительность все лето прекрасно скрывала гнезда от взоров врага. Зато среди кочек в болоте стояла вода. Гнезда там были бы, конечно, затоплены.

Лунь (самка) на копне.

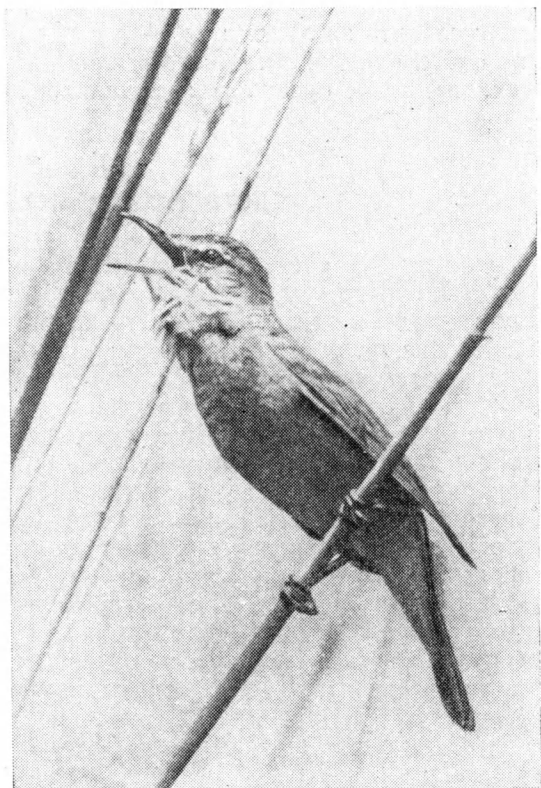
Мы стали следить за лунями из года в год. У луней не было ни одной ошибки, ни одного исключения. Птицы с весны «знали», какое будет лето: засушливое или дождливое.

„ПРОГНОЗ“ КАМЫШЕВОК

Солнце еще не поднялось над горизонтом, а восток уже пылает. На берегу степного озера сделалось совсем светло. Где-то далеко едва слышно, печально кричат журавли. На озере, по ту сторону плеса, в зарослях тростника басовито переговариваются гуси. Отчаянно загалдели чайки: огромные скопища их гнезд ежегодно бывают на одном и том же месте по заламам тростника.

Знакомое с детства кукование раздалось над озером. Как странно слышать его здесь — ведь каждый знает, что кукушка лесная птица! А вот и она сама летит над вершинами тростниковых зарослей и садится на сухую торчащую тростинку. Та не ломается, а покорно склоняется дугой под тяжестью птицы. Подняв хвост и опустив крылья, кукушка долго кукует, не открывая клюва, совсем как в лесу на ветке. Едва солнце огненным шаром показалось над горизонтом, как в разных местах озера в тростниковых зарослях раздалось кукование. Кукушки начали гоняться друг за другом «ястребиным полетом». Их здесь оказалось гораздо больше, чем в любом лесу на такой же площади. Звонкое «лесное» кукование хором разнеслось над озером. Эти озерные кукушки внешне ничем не отличаются от тех, которые живут в лесу. Но из года в год, тысячелетиями их предки приспособились подкладывать свои яйца в гнезда только дроздовидным камышевкам. Маленькие жертвы бездомных кукушек беззаботно распевают, взлетая на самые вершинки тростников. Камышевки не подозревают о грозной опасности, а она тут, рядом: только на минутку отлучится птичка от гнезда, а яичко кукушки уже оказывается рядом с яичком камышевки.

С этого момента гнездышко принадлежит кукушке. Одного за другим кукушонок выбросит в воду птенчиков камышевки, даже если они вылупились раньше его. Убийцу своих птенцов камышевки выкормят, и он один улетит осенью в теплые края на зиму и не заблудится, до

Камышевка.

сих пор удивляя этим ученых. А весной опять прилетит сюда, чтобы сделать своих птенцов паразитами камышевок. Сколько яиц снесет кукушка, столько будет погублено выводков камышевок. Хорошо, что камышевок множество на озере.

Прошел год. Весной снова пришлось побывать на этом озере. Кукушки еще не прилетели.

Над водой виднелось на тростнике растрепанное прошлогоднее гнездышко камышевки. Это в нем в прошлом году вырос кукушенок. А тут же рядом, но повыше, пара камышевок дружно делала новое гнездышко.

На берегу озера сидел и курил егеря охотничьего хозяйства. Рядом лежала лодка, опрокинутая вверх мок-

рым дном. Под кустом в тени сверкал никелем новенький мотоцикл.

Мы поздоровались, как старые знакомые.

— Ящики приезжал проверить. Во многих утки уже начали нестись, — пояснил свой приезд сюда егерь.

Искусственное гнездовье — ящик — виднелось недалеко от берега, возвышаясь над водой на кольях, в кромке тростниковых зарослей.

— Что же это вы, Карп Андреевич, так высоко над водой устроили этот ящик? — спросил я егеря.

Он удивленно взглянул на меня и скупно пояснил:

— Нынче камышевки высоко над водой гнезда вьют на тростнике.

— При чем же тут камышевки?

— Значит, разлив большой будет, и вода поднимется высоко. Эти птицы узнают наперед по каким-то приметам про разлив. Старые их гнезда почти на полметра ниже нынешних. Прошлогодние ящики для уток на той неделе пришлось переставить повыше, а то вода зальет яйца.

Это было для меня еще одним открытием в деле изучения прогноза погоды животными. Но только для меня: в третьем номере журнала «Семья и школа» за 1963 год, уже напечатано об этом «прогнозе» камышевок.

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Давно это было. На рубеже девятнадцатого и двадцатого века я жил в деревне. Летние жары в тот год с каждым днем все больше высушивали землю. Солнце палило немилосердно. Ни ветерка. Даже ночи стояли душные и жаркие. Проедет по селу телега, а пыль после нее долго висит в воздухе.

Забеспокоились мужички. Все чаще стали поглядывать на небо. Посевы хлебов начали сохнуть.

В те далекие, глухие времена единственным «спасением» от засухи был «крестный ход»: зазвонит колокол в селе, соберется стар и млад, вынесут иконы из церкви, и священник ведет всех за околицу служить молебн на полях, просить у бога дождя.

А дождя-то все нет и нет!

В соседних селах чуть ли не каждый день служили молебны. А в нашем селе ни одного разу. Ругают про

себя сельчане своего попа. Но делать нечего — ждут, пока батюшка сам не позовет идти «крестным ходом».

Мы жили рядом с поповским двором. И чего греха таить, любили в щелку подглядывать, что там делается. Кто-то из ребят заметил, что как только утром поп проснется, выйдет на крыльцо, перекрестится, так скорыми шагами идет к бане на огород. Заглянет в сенцы и обратно лениво шагает. Однажды утром смотрим: чуть ли не бегом поп от бани бежит и еще с середины огорода кричит работнице:

— Дарья, беги к звонарю, пускай благовестит: с крестным ходом сейчас пойдем!

Вскоре басовитые удары колокола поплыли над селом. Народ, крестясь, стал собираться на площади перед церковью. Вынесли иконы. Поп повел всех за село. «Крестный ход» начался под раскаленным безоблачным небом в нестерпимую жару.

И странное дело, к вечеру на горизонте показались темные облака, а ночью полил дождь. Земля ожила, хлеба повеселели. Авторитет нашего попа возрос необычайно.

Но что же по утрам смотрел поп в своей бане? Это не давало нам покоя. Воображение рисовало чудотворную икону в сенях бани с горящей лампадой или еще что-то таинственное, сверхъестественное. И, конечно, мы не в силах были сдержаться. По задам огородов прокрались к поповской бане и с затаенным дыханием заглянули в сени. Там стояла только скамейка для раздевания и больше ничего. На стене висело короткое поленце с длинной неотрубленной веткой.

С тех пор прошло много десятилетий. Один век сменил другой, одна эпоха другую.

И вот я сижу на кордоне Алма-Атинского заповедника в горах Заилийского Ала-Тау. Жара нестерпимая, а надо ехать верхом на следующий кордон. Страшно выйти из прохладных сеней на нестерпимый жар. Корова лесника лежит в тени, лениво пережевывая жвачку. Куры с раскрытыми клювами подпрыгивают около нее и склевают оводов. Кругом в ельниках полуденная тишина. Даже не слышно крикливых кедровок. Птицы тоже переживают жару.

— Ну что же, сиди не сиди, а ехать надо! — сказал я, вздохнув.

—Что-то уж очень жарит сегодня! Обождите-ка, я сейчас! — ответил хозяин и пошел в поднавес.

— Придется вам у меня переночевать! — заявил он, возвращаясь.

— Почему?!

— Гроза с дождем ночью будут. Как раз в горах вас застанет. Не верите? Пойдемте покажу!

В поднавесе на стене висел обрубок ели с длинной тонкой веткой. Против ее конца на стене были нанесены деления.

— Барометр это у меня, — пояснил лесник, — вчера конец ветки был вон где, а сейчас на десять сантиметров отклонился. К скорому дождю это, вот увидите.

И сразу мне припомнилось далекое детство, поповские сени в бане и такой же «барометр» на стене. Так вот в чем дело! Хитрый поп собрал «крестный ход» наверняка: дождь к ночи должен был быть обязательно!

В городе зимой, просматривая журнал «Природа» за 1958 год, я прочел статью одного ученого. Он писал, что сучок ели длиной в тридцать два сантиметра отклоняется перед дождем до одиннадцати сантиметров.

Поповская тайна только через полвека сделалась достоянием каждого!

БАБОЧКИ-СИНОПТИКИ

На веранде было душно. Солнце безжалостно палило с безоблачного неба. Ученый сидел около открытого окна за столом среди разложенных книг, рукописей, диаграмм и писал. Он подолгу обдумывал каждую фразу: нелегко было кратко, но понятно излагать на бумаге результаты опытов.

Бабочка-крапивница огненным пятнышком мелькнула над столом из окна и порхнула к потолку. Ученый проследил за ней взглядом. Бабочка прицепилась вверх ногами к потолку веранды в самом темном углу. Еще несколько таких же бабочек сидели там, свесив вниз сложенные крылья. Все они были неподвижны.

Это заинтересовало ученого. Он встал и согнал одну из бабочек. Но она тут же опять села рядом. Было непонятно, почему бабочки в такой яркий солнечный день ведут себя так, словно наступила ночь?

Ученый снова углубился в работу. Он не заметил, как побежало время. Одна мысль подгоняла другую, и ровные строчки на бумаге покрыли несколько страниц, когда на веранду вышла его жена и стала закрывать окна.

Только теперь ученый заметил, что солнце скрылось в облаках, жара спала, деревья в саду шумели от ветра. Вдали слышались раскаты грома. Они делались все громче и ближе. Быстро надвигалась гроза.

Бабочки-крапивницы, как сухие листочки, висели под потолком. «За два часа до наступления грозы бабочки спрятались в укрытия», — подумал ученый. Но вскоре забыл об этом.

Прошел год. Ученый стоял на веранде и, заложив руки за спину, смотрел, как в саду беснуется ливень. Гром то и дело сотрясал воздух. Ученый вспомнил про бабочек и посмотрел на потолок. На том же месте, где и в прошлом году, висели вниз крылышками несколько бабочек-крапивниц.

Грозу быстро пронесло. В прорывах между облаками показалось солнце. Мокрые листья на деревьях засверкали, как отполированные. Но бабочки под потолком продолжали висеть.

Бабочка-крапивница.

Ученый сел за стол и углубился в работу. Однако не долго в это утро сияло солнце. Не прошло и двух часов, как оно опять скрылось в облаках, и вскоре хлынул ливень.

Только во второй половине дня прекратился дождь. Но небо было еще затянуто облаками. Вдруг над столом одна за другой стали пролетать бабочки в открытое окно. Под потолком не осталось ни одной. Вскоре засверкало солнце, и надолго установилась ясная погода.

Поведение бабочек заинтересовало ученого. «Значит, когда после первой грозы засияло солнце, бабочки не поддались его обманчивой ласке и каким-то образом чувствовали, что скоро будет опять дождь», — думал ученый.

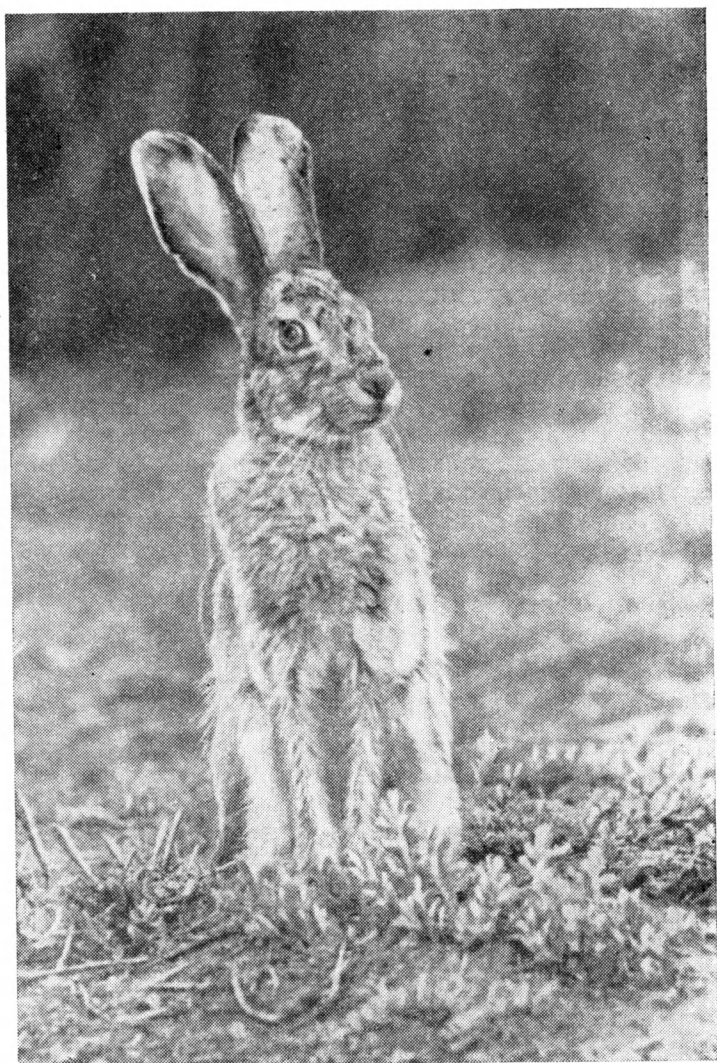
После этого три года подряд он внимательно наблюдал за бабочками-крапивницами. Эти крылатые синоптики были совершенно точны в своих прогнозах. Даже 15% ошибок, допустимых в прогнозах метеорологов, у бабочек не было. Теперь каждый может сам убедиться, наблюдая за бабочками-крапивницами, насколько это опасные конкуренты прогнозам «Бюро погоды»!

ЗАЯЧЬЯ ЗАГАДКА

Утро нового летнего дня застало меня на высоком бугре над сенокосом. Наблюдать отсюда за пробуждением природы от ночного сна так же интересно, как и сидеть в театре, когда живешь одной жизнью с героями на сцене, забыв обо всем другом.

С первыми лучами солнца из зарослей на открытую кошенину выбежали зайцы. Они долго сидели неподвижно, словно пораженные ярким светом, после прохладных тенистых зарослей. То один из них, то другой, очнувшись, начали медленно ходить (именно ходить, а не прыгать) и скусывать свежие росистые травинки. В бинокль было видно, как быстро жует заяц, длинная травинка заползает в рот сбоку и скрывается там. Заяц срывает другую.

Долго паслись зайцы. Один из них приблизился к дорожке. Две пыльные колен протянулись через покос светлыми полосками. Заяц лег на дороге животом в пыль и вытянул вперед и назад ноги. Затем повалился на бок и забрыкал всеми лапками. Над ним поднялась пыль. А заяц все энергичнее бился на дороге, как подстреленный,

Заяц-русак.

ерзая по пыли то одним боком, то другим. Наконец, он перевернулся на спину, подрыгал ногами и сел. С минуту он был неподвижен: мало ли кто мог подкрасться к нему, пока он принимал пыльную ванну, как курица. Но кру-

гом никого не было. Только в разных местах паслись другие зайцы. Облачко пыли взметнулось над дорогой. Это заяц энергично встряхнулся. Конечно, он выбросил из своего меха вместе с пылью немало и паразитов. Еще два раза встряхнулся заяц по пути к зарослям и неторопливо скрылся в них.

Чего только не насмотришься на покосе ранним утром! Но зайцы заинтересовали больше всего. У нас сотни тысяч охотников, а многие ли из них видели, как зайцы купаются в пыли или ходят, а не прыгают. Солнце уже высоко, а зайцы все еще пасутся и не уходят в заросли. Что это они так проголодались? Чем же они были заняты в эту светлую, лунную ночь? Не одно утро я встречал на этом бугре. Зайцы всегда уходили в заросли, чуть только солнце поднимется над горизонтом. А сегодня потеряли всякий страх и пасутся, как ни в чем не бывало! Опять загадка. Как бы ее разгадать?

— «Сплю, сплю!» — донеслось из леса.

— «Сплю, сплю!» — ответило из другой части леса.

Началась перекличка ночных птиц. Я оглянулся. Из северного «мокрого угла» быстро надвигались тучи. Скорей домой. Совки закричали среди дня за два часа до дождя — в этом я не один раз убеждался. А зайцы, значит, «паслись» дольше обычного перед ненастьем. Вот и разгадка маленькой заячьей загадки!

НА ТЯГЕ

Вальдшнепиная тяга! Сколько об этом написано со времен Аксакова и Тургенева красивых художественных произведений! Что можно еще добавить нового о тяге весенним вечером в глухом лесу?

Так я думал, стоя на просеке в лесу охотничьего хозяйства и с нетерпением поглядывая на солнце: уж очень оно медленно опускалось сегодня! Тишина в лесу только прерывалась «рюмканьем» зябликов да с далеких полей едва слышно доносилось пение одинокого жаворонка: сто тридцать разных звуков в секунду, слитых в непрерывный гимн весне.

Серые цапли медленно проплыли над головой, нехотя разгребая воздух крыльями. Они опустились в сухие сопки по ту сторону леса.

Наконец-то солнце скрылось, брызнув последними лучами по безоблачному небу. Наступили теплые, тихие сумерки. Мое нетерпение нарастало по мере того, как темнело в лесу. Егерь охотничьего хозяйства говорил, что вчера здесь протянуло четырнадцать вальдшнепов. Уж парочку-то добуду обязательно!

Чем становилось темней, тем в лесу делалось тише. Давно смолкли зяблики. Не стало слышно жаворонка. Ни одна птица не подавала голоса. Даже крикливых дроздов не было слышно. Но где же вальдшнепы, тяге давно пора начаться. Как я ни вслушивался в необычную тишину в лесу, нигде не раздавалось знакомого «циканья» и «хорканья» вальдшнепов. Но ведь они есть в этом лесу. Пока я шел до просеки, я вспугнул несколько штук этих таинственных лесных куликов.

Совсем стемнело. Я вскинул ружье вверх и прицелился. Мушка на конце ствола уже не просматривалась. Надо возвращаться.

Вечером за самоваром на кордоне мы с егерем терялись в догадках. В чем же дело? Почему в такой ясный, тихий вечер совершенно не тянули вальдшнепы? Вчера протянуло четырнадцать, а сегодня ни одного; и егерь вновь перечислял, где и как тянули вальдшнепы.

Когда мы уже собирались ложиться спать, приехал старший егерь с соседнего кордона. Я рассказал ему о неудаче. Уже седой, выросший в лесу, старший егерь несколько не удивился:

— Значит, ненастье завтра будет, вот и не было тяги. Всегда так бывает.

Только теперь и я вспомнил, что известный орнитолог академик Менсбир писал как раз об этом же. Припомнилось тоже, что профессор Мариковский рассказывал мне, как наблюдал серых цапель, улетающих на сухие бугры перед дождем. Ну, а что зяблики «рюмкают» по всему лесу перед непогодой — об этом писалось много раз.

Утром я проснулся на рассвете и первым делом посмотрел в окно. На дворе шел мелкий затяжной дождь.

СОДЕРЖАНИЕ

Воробьиное «Бюро погоды»	3
Скворцы перед снегопадом	4
Лягушка на веревочке	6
Концерт кузнечиков	9
Фазаний крик	11
Сайгаки перед бураном	13
Черные жаворонки	15
Гидропрогноз	15
Отмененная прогулка барсука	17
Необычный аппетит	19
Джейраны на льду	21
Утиное предсказание	23
Задолго до шторма	25
Забайкальские пискуны	26
Сеноставцы	27
Перед бураном	28
Ветер над озером	29
Из дневника охотоведа	31
Лесная примета	35
В Ашхабаде	37
Предсказатели засухи	38
Большой разлив	40
Степные луны в болоте	42
«Прогноз» камышевок	45
Раскрытая тайна	47
Бабочки-синоптики	49
Заячья загадка	51
На тяге	53

Максим Дмитриевич Зверев

ПОГОДА И ЖИВОТНЫЕ

Редактор *А. С. Нехлюдова*
Художественный редактор *П. А. Володина*
Технический редактор *В. В. Новоселова*
Корректор *Н. М. Данковцева*

Сдано в набор 6/IX 1964 г. Подписано к печати 8/XII 1964 г. 84×108¹/₃₂ Печ. л. 1,75 (2,94) Уч.-изд. л. 2,79
Тираж 52000 экз. (Пл. 1965 г. № 470). Зак. 658.
Цена 7 коп.

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Ярославль, ул. Свободы, 97.

7 коп.

ПРОСВЕЩЕНИЕ • 1965